

Кетеван Какителашвили, Нино Чиковани

Несколько соображений по обсуждаемым вопросам

Проведенная 13-17 июля Институтом им. Георга Эккерта по международным исследованиям школьных учебников (Брауншвейг, Германия) конференция «Войны памяти? Взаимосвязь школьных учебников и конфликтов в Центральной Азии, на Южном Кавказе и в Молдове в постсоветский период», собравшая историков из этих регионов, была чрезвычайно интересной. Известно, что «войны памяти» и «войны историков», нередко находящие отражение в учебниках истории, предшествуют конфликтам и сопутствуют им. Следовательно, обсуждение названного вопроса было чрезвычайно актуально и важно для представителей пространства, испытавшего все трудности конфликтов и стоящего перед необходимостью их преодоления.

Участники ознакомились с опытом, накопившемся в различных странах по разработке учебников истории, проблемами, возникающими на этом пути.

Хотелось бы высказать несколько соображений по поводу представленных на конференции докладов и их обсуждений.

Как видно из названия, темой конференции были школьные учебники, тем не менее, дискуссии выявили, что с самого начала следует четко определить, о каком типе нарративов идет речь при обсуждении того или иного вопроса: историографической традиции, отраженной в исследованиях профессиональных историков, или о школьных учебниках? Мы полностью разделяем точку зрения о том, что школьные учебники отражают историографическую традицию, но нельзя ставить знак равенства между ними. Если анализируется историографическая традиция, необходимо уточнить период создания конкретных трудов и имена их авторов, так как историография представлена различными этапами развития (например, с конца 19-го века и по сегодняшний день в грузинской историографии сменилось немало поколений и подходов). Если учебники – то какие именно, так как и они претерпевали серьезные изменения (например, в Грузии можно различить учебники периода перестройки, первое поколение постсоветских учебников, дореформенные учебники второго поколения и учебники, грифированные после реформы общего образования, не говоря о нескольких поколениях советских учебников). Естественно, темой анализа может быть и динамика развития нарратива, представленного историографической традицией или школьными учебниками.

Особо хотелось бы подчеркнуть нерелевантность следующей альтернативы: «Если в основу кладется национальная идея и целью считается развитие и укрепление этнического самосознания, можно ли избежать противопоставления себя Другому и наделения этого Другого негативными чертами?»¹ Считаем, что это, конечно, возможно (а в некоторых случаях уже достигнуто), а если не так, тогда непонятна цель подобных встреч, обсуждений и всей работы по преодолению конфликтной памяти.

Обсуждения подтвердили необходимость выработки общих принципов во избежание превращения истории в орудие разжигания взаимной вражды, нетерпимости и ксенофобии, с целью воспитания умения критического анализа, толерантности, уважения к другой точке зрения. Но общие принципы не означают поиска универсальных «рецептов» для разных стран и регионов, например, Центральной Азии и Кавказа. Попытки нивелировки различий в рамках общего государственного пространства, в котором они были объединены на протяжении определенного времени, отчетливо подтвердили неэффективность такого подхода.

¹ Виктор А. Шнирельман. Полезные мифы? Школьные учебники истории и национализмы в Центральной Азии и на Кавказе. Доклад на семинаре «Войны памяти? Взаимосвязь школьных учебников и конфликтов в Центральной Азии, на Южном Кавказе и в Молдове в постсоветский период», Брауншвейг, 13-17 июля 2009 г., с. 1.

Дискуссии на конференции выявили, что опасность создания таких универсальных рамок, оценок и рекомендации существует и сегодня. Например, попытка такой универсализации проявляется в рассуждениях о компонентах национального мифа и путей их конструирования «в различных регионах Южного Кавказа и Центральной Азии в разные исторические периоды»;² или же о том, что национальный миф, «как правило, не обходится без образа векового врага»³, хотя такого врага вряд ли можно найти в современных школьных учебниках истории Грузии. Мы согласны с тем, что «вряд ли можно дать единый универсальный рецепт, ибо каждый конкретный случай имеет свои особенности.» Однако сомневаемся, что можно «избежать мифотворчества», укорачивая исторический нарратив, убрав из него древнейший и современный периоды. Не лучше ли ознакомить учащихся с различными точками зрения об этих периодах (разумеется, в соответствующей возрасту форме), чем оставлять пробелы, которые как раз и станут ареной мифотворчества? К тому же, данная рекомендация противоречит другому положению, согласно которой «не стоит замалчивать неприятные моменты истории, так как в противном случае о них все равно напомнит социальная память или альтернативная история».⁴

Что же касается остальных рекомендаций, предложенных в докладе и статье уважаемого В.Шнирельмана, наверно, автор не включает Грузию в число их реципиентов, так как ему, наверно, хорошо известно, что еще в 18 октября 2004 года правительством Грузии был принят Указ № 84 о «Национальных целях общего образования», согласно которому «целью общего образования в Грузии является создание благоприятных условий для формирования свободной личности, носящей национальные и общечеловеческие ценности, воспитание гражданского сознания, основанного на либеральных и демократических ценностях.»⁵ Реформа в преподавании истории служит следующим целям: утверждение мультиперспективного подхода; представление истории как интерпретации; преодоление традиционного национального дискурса; формирование гражданского сознания (включение национальных меньшинств в историю Грузии). Новые принципы преподавания истории, изложенные в Национальном учебном плане для общеобразовательных школ на 2008-2009 учебный год, доступны на русском языке, по адресу <http://ganatleba.org/index.php?m=126&lang=geo>, с.57 и дальше.

Хотелось бы также отметить, что работа по разработке концепции школьного преподавания истории в Грузии была начата еще в 1997 году. В курсе этой работы был и Институт Георга Эккерта, о чем свидетельствуют публикации в периодическом издании института (см., например: O.Reisner. What can and should we learn from Georgian history? Observations of someone who was trained in the Western tradition of science. International Textbook Research, vol. 20, 4, 1998, p.409-424; N.Mamukelashvili. Neue Geshichtsbücher in Georgien, Ibid., p.450-460).

Преследуя цель найти пути для преодоления конфликтной истории, роковой ошибкой может стать пренебрежительное отношение к фактологической точности, а также безосновательные обобщения. Так, в работе В.А.Шнирельмана, представленной на конференции, говорится, что «в грузинской историографии осетин принято изображать кровожадными варварами, устраивавшими набеги на мирные грузинские села и противоправно претендовавшими на исконные грузинские земли.»⁶ Или же: «В 1990-х гг. в грузинских школах начали преподавать историю по версии П. Ингороквы».⁷ Ни в первом, ни во втором случае не названы конкретные источники, на которые опирался автор. С нашей стороны, можем с уверенностью сказать, что известные нам *научные*

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, с. 16.

⁵ Национальные цели общего образования. Указ правительства Грузии № 84, 18 октября 2004. Тбилиси.

⁶ Виктор А. Шнирельман. Полезные мифы? Школьные учебники истории и национализмы в Центральной Азии и на Кавказе. Доклад на семинаре «Войны памяти? Взаимосвязь школьных учебников и конфликтов в Центральной Азии, на Южном Кавказе и в Молдавии в постсоветский период», Брауншвейг, 13-17 июля 2009 г., с.10.

⁷ Там же.

труды и школьные учебники не содержат подобных высказываний, а версия П. Ингороква, если и излагалась в дореформенных учебниках, то лишь в качестве одного из существующих точек зрения.

Еще один пример пренебрежительного отношения к фактам и контексту: «Если многие грузинские историки пытались представить южногрузинское княжество Тао-Кларджети «колыбелью грузинской государственности», то сам бездетный правитель этого княжества Давид Куропалат завещал весь свой домен Византии, в результате чего эти земли были навсегда потеряны для Грузии».⁸ В сноске указана книга: Очерки истории Грузии, под ред. М. Д. Лордкипанидзе и Д. Л. Мухелишвили, т. 2. Тбилиси: 1988, с. 331. Но в указанном труде, на основании грузинских и других источников, факт представлен совершенно иначе (см. с. 329-333).

Приведенные примеры касаются тонких и чувствительных тем, и такое отношение к ним не только не способствует «предотвращению или, по крайней мере, минимизации ущерба от «войн памяти»,⁹ а может стать основанием для усугубления конфликтной памяти и разжигания вражды. Это тем более неожиданно от автора, который не раз напоминал собравшимся коллегам о необходимости соблюдать корректность при изложении тонких тем.

На конференции несколько раз упоминалось о Советском Союзе как «инкубаторе наций», советском проекте модернизации и необходимости неоднозначной оценки советской национальной политики. Но их результаты политики отчетливо проявились в доселе неурегулированных конфликтах, серьезном кризисе идентичности в разных регионах постсоветского пространства, экономических проблемах и т.д. В случае Грузии, это дает основание дать однозначно негативную оценку попыткам насильственного изменения пути развития, что трудно назвать модернизацией.

Наконец, хотелось бы еще раз подчеркнуть плодотворность встречи в Институте им. Георга Эккерта и выразить надежду на дальнейшее сотрудничество.

⁸ Там же, с.13.

⁹ Там же, с.15.